ИСЛАМСКИЙ КОНСЕРВАТИВНЫЙ РЕФОРМИЗМ В ПРАВОВЫХ ИДЕЯХ ГАБДРАХИМА УТЫЗ-ИМЯНИ

Зайнутдинов Д.Р., Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Российская Федерация, *knight_1988@mail.ru*

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть и дать оценку правовым идеям и воззрениям в трудах Габдрахима Утыз-Имяни – выдающегося мусульманского богослова-правоведа конца XVIII – начала XIX века. Актуальность рассматриваемой темы связана с тем, что практически отсутствуют работы, которые изучали бы татарскую богословско-правовую мысль. В процессе исследования автором используется сравнительно-правовой и историко-правовой методы, которые позволили рассмотреть правовые идеи и воззрения Габдрахима Утыз-Имяни в эпоху зарождения татарского реформаторства. Новизна результатов исследования заключается в том, что впервые в юридической науке раскрываются правовые идеи и воззрения Габдрахима Утыз-Имяни, которые он изложил в своих богословско-правовых трудах. Автор показывает широту юридических знаний Габдрахима Утыз-Имяни, в особенности в сфере гражданского права. Выдвинутая Габдрахима Утыз-Имяни концепция исламского консервативного реформизма, в сфере татарского богословия, сделала его непререкаемым авторитетом. На основе изложенного в работе, автором сформулированы выводы значимости правовых идей и воззрений Габдрахима Утыз-Имяни на последующее движение татарского реформаторства.

Ключевые слова: Габдрахим Утыз-Имяни, ислам, консерватизм, правовые воззрения, фикх, правосознание, правовая культура.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-29-1-18-27

UDC 340.12

ISLAMIC CONSERVATIVE REFORMISM IN THE LEGAL IDEAS OF GABDRAHIM UTYZ-IMYANI

Zaynutdinov D.R., Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMML), Kazan, Russian Federation, *knight_1988@mail.ru*

This article attempts to uncover and evaluate the legal ideas and views in the works of Gabdrakhim Utyz-Imyani as an eminent Muslim theologian and jurist of the end of the XVIII - beginning of the XIX century. The relevance of the topic under consideration is connected with the fact that there are practically no works that would study Tatar theological and legal thought. In the process of research, the author uses comparative legal and historical legal methods, which allowed to consider the legal ideas and views of Gabdrakhim Utyz-Imyani in the era of the birth of Tatar reformism. The novelty of the research results lies in the fact that for the first time legal ideas and views of Gabdrakhim Utyz-Imyani are revealed in legal science, which he outlined in his theological and legal works. The author shows the latitude of legal knowledge of Gabdrakhim Utyz-Imyani, especially in the field of civil law. The concept of Islamic conservative reformism put forward by Gabdrakhim Utyz-Imyani, in the sphere of Tatar theology, made it an indisputable authority. Based on the above, the author formulates conclusions about the significance of the legal ideas and views of Gabdrakhim Utyz-Imyani on the subsequent movement of Tatar reformism.

Key words: Gabdrahim Utyz-Imyani, Islam, conservatism, legal views, fiqh, legal conscience, legal culture.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-29-1-18-27

Уничтожение татарской государственности в 1552 году остановило развитие мусульманской правовой системы. Так, в жизни народов Волго-Уральского региона, исповедующих ислам, произошла стагнация норм мусульманского права. Последующая динамичная инкорпорация Волго-Уральского региона в имперскую государственность, произошедшая во второй половине XVI –

начале XVIII века, для норм мусульманского права предопределила их окончательное отмирание. Таким образом, на многие десятилетия нормы мусульманского права скрылись в пелене религиозной догматики.

Башкирское восстание 1755–1756 годов под руководством муллы Батырши (Габдулла Галиев), во многом стало следствием усиления имперской

политики инкорпорации и ассимиляции с насильственной христианизацией мусульманских народов Волго-Уральского региона. В частности, жесткое управление царской администрацией выражалось в массовом изъятии башкирских земель, разрушении системы полукочевового скотоводства – основной отрасли коренных жителей края, росту с них налогов и повинностей, ликвидации самоуправления [1, с. 19]. «Другими словами, – пишет Т.С. Худайгулов, – мероприятия Оренбургской экспедиции означали ликвидацию основных условий вхождения башкир в состав России» [1, с. 20]. Тем самым, Российская империя в характерной для себя манере уничтожала те правовые условия присоединения территории в целях унификации ее юридического статуса. Согласно «Татарской энциклопедии», непосредственным поводом началу восстания стала реализация изданного Правительствующим сенатом Указа от 16 марта 1754 года, отменившем ясак и обязавший население покупать соль из казны, что привело к увеличению налога в 5–6 раз [2, с. 315]. В восстании приняли участие башкиры и татары Ногайской и Осинской даруг (ныне южной и северной части территории Республики Башкортостан).

Здесь необходимо затронуть предпосылки восстания. В XVIII веке в России продолжала укрепляться абсолютная монархия и усиливалась деятельность по созданию нового правового пространства (в жесткие законодательные рамки входило крепостничество, происходило расширение прав дворянства, развивалось указное право монарха, усиливалось налогообложение). Эти мероприятия воспринимались всем населением (в том числе и русским дворянством) далеко неоднозначно, так как происходил болезненный отрыв общества от его традиционных устоев. В то же время нерусское население, не понимавшее сути эволюционных процессов, умышленно ограничивалось в возникающих новых правоотношениях, не понимало оно и смысл возлагаемых обязанностей. Более того, оно не умело пользоваться даже имеющимися правами [1, с. 19]. В совокупности эти факты приводили к ничем не прикрываемому усилению национального и религиозного гнета мусульманского населения. Подобные условия исключали возможность использования легальных форм протеста, оставляя единственно возможную форму – восстание. Если первые восставшие восприняли отмену ясака как ликвидацию их вотчинных прав на землю, то, в целом, мусульманами это было расценено как покушение на автономию внутренней жизни общины, регулируемой нормами мусульманского права. Таким образом, к одной из главных причин Башкирского восстания можно отнести вторжение царской национальной политики в сферу функционирования мусульманской общины, до того времени оставшуюся в значительной степени обособленной, от публичной имперской власти. Это в полной мере подтверждается тем, что Габдулла Галиев (Батыр-

ша) (1710 – 24 июня 1762), являясь идеологом Башкирского восстания, «составил воззвание к мусульманскому населению края, в котором, показав их тяжелое положение под властью русского царя, призвал их подняться на восстание за создание самостоятельного государства» [1, с. 21]. Для своего времени воззвание Габдуллы Галиева «Тахриз-намэ» было достаточно обширным. По сути, воззвание Габдуллы Галиева имело программу максимум (создание самостоятельного государства – априори невыполнимое) и программу минимум (изменение имперской властью национальной политики в части неприкосновенности прав самоуправления мусульманской общины и ее религиозной жизни, смягчение налогообложения, восстановление вотчинных прав башкир). Как справедливо заключает Т.С. Худайгулов, что «Башкирское восстание 1755–1756 гг. потерпело поражение, тем не менее оно было не безрезультатным. Правда, первые уступки башкирам носили символический характер. Власть восстановила право башкир непосредственно обращаться к главе государства о своих нуждах. В редко населенных районах края были ликвидированы почтовые станы, на тяжесть содержания которых жаловались башкиры. ... Правительство вынуждено было неоднократно официально заявить о своей верности к условиям вхождения башкир в состав России, издавать указы о сохранении вотчинных прав башкир на землю, в частности»

[1, с. 25]. Особо важно то, что Башкирское восстание во многом способствовало ослаблению жесткой ассимиляционной политики в отношении татарского населения, находившемся в самом центре России. Так, «опасаясь присоединения к восстанию татар Среднего Поволжья, власти объявили о прекращении практики переселения татар, живших в одних деревнях с крещеными татарами, и взимания рекрутов из мусульман за новокрещеных, передаче религиозных дел мусульман из духовных консисторий в губернскими канцелярии. Из Казани был удален архиепископ Лука (Конашевич). Было разрешено строительство мечетей (1756)» [2, с. 315]. Упорная и самоотверженная борьба башкир оставила глубокий след в научной сфере. Башкирское восстание придало динамику национально-культурному развитию, в частности, стала возрождаться мусульманская правовая мысль. Представители башкирской и татарской аристократии (мурзы, тарханы, духовенство и другие) не забыли долга перед своим народом, они вновь стали обращаться к интеллектуальному и культурному наследию, ранее сконцентрированному и сохраненному в религиозной области. Возрождаясь, башкирская и татарская правовая мысль, также стала черпать идеи из основ ислама.

В этот сложный для мусульман Волго-Уральского региона период на свет появляется один из выдающихся ученых исламского мира, поэт, богослов-правовед, приверженец идей суфий-

ского тариката накшбандийа, – Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари (1752–1836 годы). До нашего времени дошло около 60 произведений Г. Утыз-Имяни, из них более половины относится к поэзии, а другая часть является научными работами по философии, богословию, правоведению. При этом его правовые воззрения, в отличие от иной деятельности, не изучены.

Учения Г. Утыз-Имяни стали своеобразным лучом света, указавшим татарскому и башкирскому народу путь к возрождению национального самосознания и легитимной борьбы за повышение политического статуса народа в имперской государственности. Его богословско-философская мысль никогда не отделялась от национальных корней. Важным является то, что Г. Утыз-Имяни «одним из первых в татарском обществе конца XVIII – начала XIX в. «вызволил из небытия» тему необходимости менять устои традиционной жизни татарского общества. Поскольку традиционализм (имеется в виду сохранение традиций языка, культуры) поддерживался главным образом исламом, необходимо было религию в условиях наступления эпохи Нового времени приспособить к современной действительности. Для достижения этой цели Утыз-Имяни предлагает руководствоваться иджитихадом и с его помощью решить проблему» [3, с. 62]. Консерватизм в трудах Г. Утыз-Имяни освобожден от заостренного традиционализма и охранительства. В его понимании консерватизм является элементом, стабилизирующим эволюционное развитие мусульманского общества. Таким образом, Г. Утыз-Имяни можно назвать создателем концепции «исламского консервативного реформизма». И, в первую очередь, руководствуясь идеями консервативного реформизма (усердие в образовании, стремление к знаниям, понимание личных обязанностей, повышение уровня правосознания), мусульмане должны были обратиться к правовым основам ислама. Тем самым, в процессе эволюции требовалось вернуть мусульманское общество к той динамике развития общественно-правовых отношений, которую оно оставило в «Золотой век ислама».

Выдвинутая им своеобразная концепция на общественный прогресс во многом определила воззрения определенной части татарской интеллигенции до конца XIX века. Несомненно, здесь следует согласиться с точкой зрения ректора Российского исламского университета Р.М. Мухаметшина, что мусульманский реформизм изначально начался с двух путей: «Ветвь Г. Утыз-Имяни постепенно трансформировалась в татарский традиционализм, а линия А. Курсави – в мусульманский национализм, став составной частью, по сути дела, того же татарского модернизма. Водоразделом этой трансформации стал Ш. Марджани, который своими трудами и деятельностью доказывал целесообразность и востребованность именно модернизма» [4, с. 86].

Выделим весьма важный момент, что татарская интеллигенция до конца XIX века, стоявшая на позициях концепции исламского консервативного реформизма Г. Утыз-Имяни, использовала его в качестве необходимого элемента возрождения национального сознания, медленной и осторожной модернизации общественной жизни и приобщения мусульман к участию в политической деятельности в рамках имперской государственности. Позже, с конца XIX века и до 1917 года, консерватизм в мусульманской общественности приобрел реакционный характер, наполнившийся традиционализмом, к очищению от которого призывал Г. Утыз-Имяни. Так, концепция исламского консервативного реформизма была заменена кадимизмом, воплотившем в себе консервативно-охранительную идеологию. Однако в период деятельности Г. Утыз-Имяни принятие консервативных воззрений вполне соответствовало своей эпохе. Так как реформаторско-либеральные течения (крупнейший сторонник Габденнасыр Курсави (1776–1812 годы)) в условиях национального и религиозного гнета, процветавшего в Российской империи, только начинали зарождаться и никак не могли быть полезны мусульманской умме, то движение к прогрессу, хотя и медленное, могло происходить только посредством консервативно-модернистских течений, представителем которых и являлся Г. Утыз-Имяни.

Право у мусульманских народов всегда брало свои истоки из ислама. Чем больше ислам охватывал сферы жизнедеятельности, тем более разнообразными становились нормы права и, в целом, сложной становилась вся правовая система. «Средневековые арабо-мусульманские учения о власти не только ориентировались на шариатские критерии, но и были пропитаны взглядами античных философов. В период могущества средневекового Арабского халифата в широких масштабах переводилось на арабский язык и осмысливалось множество классических трудов по проблематике политики и государства. Мусульманская наука переосмыслила и восприняла весь спектр научных знаний прошлого от механики до юриспруденции» [5, с. 36]. Так, в своем труде «Инказ ал-халикин» («Спасение погибающих») Г. Утыз-Имяни писал: «В наше время этот термин (“фикх”. – Д.З.) имеет узкое, специальное значение и подразумевает под собой знание фетв по не основным вопросам. Однако в первые века ислама фикх подразумевал науку, изучающую верный путь к благам последующего мира. ... Раньше эта наука не включала в себя такие главы, как развод, проклятие, торговля, аренда и прочее» [6, с. 162].

В богословских спорах рождались правовые нормы, постепенно вписываясь в шариат, и уже в концентрированном виде закрывали существующие пробелы в системе исламского права. Вследствие динамичной трансформации право и религия в мусульманских государствах стали единым целым, тем самым дав миру одну из крупней-

ших правовых систем – мусульманскую. Правовым основам жизни мусульманского общества ислам уделяет огромное значение. В связи с этим неоспоримый вывод делает Мехди Санаи: «Говоря об ал-фикхе, следует отметить, что он возник раньше других исламских дисциплин. Все основные направления современной юриспруденции (гражданское, семейное, уголовное, административное или конституционное право) могут быть прослежены в различных отраслях ал-фикха, хотя и называются по-иному» [7, с. 21]. Р.К. Адыгамов также отмечает: «Мусульманское право – фикх первоначально вбирало в себя все законы шариата, независимо от того, связаны ли они с деяниями или убеждениями человека. ... Позднее фикх получил более узкое значение и стал означать свод юридических законов шариата или же науку, изучающую эти законы» [6, с. 37]. Как в основе греческой цивилизации лежала философия, так в мусульманской цивилизации лежит юриспруденция. «Закон ислама» первичен в жизни мусульманина. Этот факт прекрасно осознавал Г. Утыз-Имьяни, подчеркивая, что «человек, не изучавший фикх углубленно, не сможет различить истинное и ложное» («Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»)) [6, с. 87]. Исходя из взглядов Г. Утыз-Имьяни, можно сделать вывод, что он придерживался позиции того, что все мусульмане, помимо религиозно-правовых норм, обязаны знать основы юриспруденции. При этом в своих трудах он неоднократно отмечал, что «шариат» – более глобальное явление, нежели «фикх», однако последний есть «чистая» юриспруденция. В частности, в главе третьей «Инказ ал-халикин» («Спасение погибающих») Г. Утыз-Имьяни отмечает, что «возбуждение спорных вопросов в фикхе также было связано с мирскими интересами» [6, с. 155]. Это обстоятельство говорит, что мусульмане, помимо правил отправления религиозных ритуалов, должны были знать и основы публичноправовых и частнопрововых отношений.

Следующий вывод может показаться странным, однако он вполне очевиден при тщательном юридическом анализе «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»). С первого раза может показаться, что в указанной работе Г. Утыз-Имьяни занимается исключительно богословием. Однако, проводя юридический анализ, обнаруживается, что «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож») посвящен не просто богословским рассуждениям, в нем поднимается проблематика, совершенно не характерная для немусульманских стран конца XVIII века, – это обеспечение (защита) прав потребителя-мусульманина. Современные ученые-юристы, занимающиеся проблемами мусульманских правовых систем, не могут не отметить в ней хорошо развитые правовые конструкции в отраслях частного права, в особенности гражданского. Например, Мехди Санаи указывает: «Положения правового характера весьма немногочисленны: они едва превышают десять процентов общего содер-

жания Корана. Среди них: 70 положений касаются вопросов семьи; еще 70 положений касаются других вопросов гражданского права; 30 положений относятся к области уголовного права; 13 положений связаны с судейством и правосудием и т.д.» [7, с. 39]. То есть в целом вопросам частного права в Коране уделено 140 положений. В связи с этим изучение такой проблемы, как обеспечение (защита) прав потребителя-мусульманина в исламском праве, уже в конце XVIII – начале XIX века, не является неким нонсенсом или современным вымыслом, а представляется вполне естественным и закономерным явлением. Следует подчеркнуть, что «впервые основные права потребителей были определены в Специальном послании о защите прав потребителей Джона Ф. Кеннеди Конгрессу США 15.03.1961, в котором признавались их права на информацию, на безопасность, на выбор, быть услышанным» [8, с. 22]. В то же время уже в «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож») можно найти фиксацию Г. Утыз-Имьяни некоторых основных прав потребителя-мусульманина, которыми он должен обеспечиваться, находясь в немусульманской среде. Например, это – право на информацию и право на безопасность.

Наиболее важным правом покупателя-мусульманина в воззрениях Г. Утыз-Имьяни является право на информацию. Ссылаясь на известные юридические труды «Хизанат ал-Фатава» и Сирадж ал-Ваххадж, он пишет о необходимости соблюдения права покупателя на информацию (способ изготовления и место изготовления) при продаже шкур («Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»)): «Если эта шкура (выделанная оскверненной водой. – Д.З.) продана без разъяснения (ее чистоты), то покупатель имеет право вернуть ее продавцу» [6, с. 80]; «При продаже необходимо это (кожа выделана с применением оскверненного жира. – Д.З.) разъяснять (покупателю), а если разъяснения не было, то покупатель имеет право вернуть ее продавцу» [6, с. 81]. Свои мысли Г. Утыз-Имьяни подтверждает целым рядом научных работ по фикху «Ал-Базазийа», «Ал-Василат», «Ал-Мабсут», «Шарх ал-Манзума», «Ал-Мухит». Продавец не должен вводить в заблуждение покупателя, он должен обладать достоверной информацией о реализуемом товаре. При этом ответственность продавца-мусульманина перед покупателем-мусульманином в Волго-Уральском регионе значительно выше, чем в каком-либо другом регионе, так как проживающие там мусульмане были ограничены в контактах с иными исламскими странами, они не могли самостоятельно контролировать торговый оборот и устанавливать правила торговых правоотношений.

Таким образом, продавец-мусульманин должен обладать наиболее полной информацией о качестве, свойствах и иных характеристиках продаваемого товара для того, чтобы донести ее покупателю-мусульманину. В то же время покупателю-

мусульманину, стремящегося следовать праведным путем ислама, необходимо обязательно проверять полученную информацию, которая была изложена без доказательств («Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»)). [6, с. 85] В частности, Г. Утыз-Имяни разъясняет, какими правилами руководствоваться простому мусульманину (мукаллиду) при приобретении товара, и каким источникам доверять. В «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож») он описывает строгую последовательность перепроверки полученной информации [6, с. 85].

Отсутствие перепроверки изученного материала, по мнению Г. Утыз-Имяни, стало прямым следствием введения в заблуждение мусульманского общества недобросовестными продавцами и потворствующими им лжеучеными, которые вывели огромное число противоречивых правовых норм посредством злоупотребления калама [9, с. 128]. А это, соответственно, отклонило мусульман с «прямого пути» указанного в Коране, который вел их к прогрессу и совершенствованию. Так Г. Утыз-Имяни указывает на наличие определенных проблем в культурном развитии мусульман Волго-Уральского региона. Культурное и духовно-религиозное состояние мусульманского общества на конец XVIII – начало XIX века он оценивал достаточно негативно, указывая, что большинство людей не может отличить истинное от ложного, в связи с незнанием правовых норм ислама. По данному вопросу Г. Утыз-Имяни пишет: «Некоторые ал-мубтади'а занимаются иджитихадом, пишут книги, в которых смешивают слова ученых, основанные на признанных доказательствах, со своими ложными убеждениями. И поэтому большинство людей не могут отличить истинное от ложного. И некоторые из них всю свою жизнь вводят людей в заблуждение,...» («Трактат о выделке кож») [6, с. 87]. В особенности эту проблему Г. Утыз-Имяни подчеркивал у мусульман Волго-Уральского региона: «В наше время таких книг (написанных лицами, не познавшими основы иджитихада, но занимающимися им, тем самым подменяющими доказательства своими ложными убеждениями. – Д.З.) стало очень много, особенно в нашей болгарской стороне, по причине того, что среди нас мало ученых факихов (правоведов шариата), которые могут отличить истинные книги от ложных» («Трактат о выделке кож») [6, с. 87]. Тем самым, Г. Утыз-Имяни указывает на необходимость старания и усердия мусульман в изучении правовых предписаний шариата, стремления к расширению собственных познаний и должному соответствию нравственным критериям, принятым в исламе. Это являлось важнейшим условием для преодоления правового невежества. Так, Г. Утыз-Имяни поднимает проблему иджитихада. Именно поэтому «идеал А. Утыз-Имяни – муджтахиды. Он их возвеличивает и выступает за то, чтобы мусульмане придерживались их мнений, суждений, сохраняли их наследие» [3, с. 65].

Таким образом, Г. Утыз-Имяни указывает, что прежде чем мусульманину заняться иджитихадом, для этого нужно иметь глубокую теоретическую и пройти практическую подготовку в области шариата. В связи с этим путь прогресса у него следует из усердия в образовании, то есть из последовательной перепроверки полученной информации и изученных источников. В этом и заключалась суть концепции исламского консервативного реформизма.

Г. Утыз-Имяни говорит еще об одном праве, которым должен быть обеспечен потребитель-мусульманин, – это право потребителя на безопасность. Мусульманину не должен продаваться товар (шкуры, меха, шелк и иная одежда), который изготавливается не просто по запрещенной в исламе технологии, а опасной для здоровья, то есть с использованием «оскверненных зелий» и из недопустимых средств («Трактат о выделке кож») [6, с. 84]. При этом продавцу при приобретении и дальнейшей продаже товара, как следует из суждений Г. Утыз-Имяни, не следует руководствоваться правилом того, что «шариат не выносит окончательного решения, основываясь на вероятности», а нужно брать за основу правило «всеобъемлющего варианта», который предполагает определение качества товара исходя из места изготовления и репутации самих производителей (приведенный им пример – Персия) («Трактат о выделке кож») [6, с. 84]. Далее, в части пятой труда «Джавахир ал-байан» («Жемчужины разъяснения»), посвященной необходимости изучения шариатских наук, Г. Утыз-Имяни как бы продолжает и раскрывает собственную мысль, изложенную в «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»), отмечая: «Купцу обязательно знать законоположения, касающиеся торговли, чтобы оградить себя от ростовщичества и сомнительных сделок, и это является средством достижения высокой степени праведности и благочестия» [6, с. 123]. На протяжении всего труда «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож») он проводит единую мысль о недопустимости сообщения потребителю-мусульманину ложной информации, которая может ввести его в заблуждение при приобретении товара, а также недопустимости продажи товара пагубного для здоровья мусульманина.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует, что в своем труде «Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож») Г. Утыз-Имяни, поднимая важную правовую проблему обеспечения (защиты) прав потребителя-мусульманина, тем самым он концентрирует внимание на двух аспектах: право на информацию и право на безопасность. Согласно воззрениям Г. Утыз-Имяни, мусульманин, пребывая в немусульманском государстве, должен был (и даже обязан) хорошо ориентироваться в правоотношениях потребительского характера, обладать знаниями о распространяемых товарах немусульманского происхождения. Способность теоретического исследования такого важного институ-

та, как обеспечение (защита) прав потребителей, говорит, что Г. Утыз-Имяни обладал огромными знаниями в области гражданского права.

Пожалуй, наиболее важной проблемой, которую Г. Утыз-Имяни затронул за весь период своей научной деятельности в области юриспруденции, являются вопросы правового воспитания и правового просвещения мусульманского населения. В рамках поставленных проблем он призывает мусульманских ученых и преподавателей к распространению юридических знаний. Г. Утыз-Имяни дает весьма лаконичное определение знанию, говоря, что «под знанием подразумевается знание, касающееся взаимоотношений, убеждений и совершения или оставления каких-либо действий» («Джавахир ал-байан» («Жемчужины разъяснения»)) [6, с. 122]. Это определение несет в себе глубокий философский смысл. Для Г. Утыз-Имяни «знание» является деятельностью «разума». Об этом указывает определение «разума» данное им в труде «Рисала-и иршадиййа» («Наставительный трактат»): «Разум – это то, что позволяет человеку познавать суть вещей, хорошее и плохое, а также позволяет предохранять себя от того, что наносит ему вред. ... Разум является сутью души так же, как и душа является сутью человека» [6, с. 167]. Тем самым, он призывает мусульман не тратить время на бесполезную деятельность, а активно приобщаться к знаниям. Поэтому «знание» в трудах Г. Утыз-Имяни выступает категорией философской, хотя он и отрицал философию как науку. Поэтому справедливо указывает Р.Р. Абызова, что Г. Утыз-Имяни внес значительный вклад и в развитие филологической науки» [10, с. 99]. В связи с этим вполне понятным становится суть таких его сочинений, как «Замм шурб аш-шай» («Порицание чаепития (двадцать семь негативных последствий чаепития)») и «Рисала-и иршадиййа» («Наставительный трактат»), посвященный пагубности употребления спиртных напитков. Здесь также следует добавить, что Г. Утыз-Имяни не столько критиковал частое чаепитие, сколько порицал увлечение мусульман самой процедурой «чайной церемонии», являющейся весьма длительной пустой тратой времени, которое можно было бы потратить на общее просвещение, в том числе и на изучение правовых основ ислама [6, с. 52].

Необходимость приобщения мусульман к знаниям он облекает в форму обязанности установленной непосредственно фикхом. Г. Утыз-Имяни четко определяет тот минимум знаний, которым должен обладать простой мусульманин: «Безусловно, что получение всех знаний не является личной обязанностью каждого мусульманина, однако к личной обязанности относится получение знаний о состоянии, об основах религии и знаний в области права» («Джавахир ал-байан» («Жемчужины разъяснения»)) [6, с. 122]. Более того, человек, не обладающий должным уровнем знаний, – это, фактически, вероотступник. Согласно мысли Г.

Утыз-Имяни, незнание не позволяет постичь истины ислама («Джавахир ал-байан» («Жемчужины разъяснения»)) [6, с. 125]. Повышение уровня правовой грамотности, безусловно, способствует росту правосознания, умению личности или коллектива применять имеющиеся законы, использовать права и защищать их. Необходимость повышения у мусульман знаний в области права должно было облегчить жизнь мусульманской общины от посягательств на ее права и свободы со стороны имперской государственности. Согласно правовой позиции Г. Утыз-Имяни, мусульманин, обладающий минимумом юридических знаний, способен защитить себя и в сфере любых правоотношений, будь то публичные или частные (в том числе, уже рассмотренная категория потребительских правоотношений). Он указывает: «Знание тоже является средством для достижения высокой степени благочестия, ведь, чтобы стать благочестивым, необходимо знать, как этого достичь. То же касается и сомнительных и нежелательных торговых сделок» («Джавахир ал-байан» («Жемчужины разъяснения»)) [6, с. 123].

Обязанность правового воспитания и правового просвещения Г. Утыз-Имяни возлагает на ученых и преподавателей. Так, в труде «Инказ ал-халикин» («Спасение погибающих») он раскрывает «обязанности наставника», то есть ученых и преподавателей, которым они должны следовать. Всего Г. Утыз-Имяни выделяет восемь обязанностей («Инказ ал-халикин» («Спасение погибающих»)) [6, с. 161]. Он указывает, что приобщение к знаниям, начиная от изучения литературы и заканчивая следования путем наставника, является крайне ответственным мероприятием. Поэтому Г. Утыз-Имяни даже к источникам наиболее авторитетных ученых предлагает относиться критически, указывая: «Не следует руководствоваться сомнительными источниками, необходимо полностью изучить книгу, так как очень редко можно найти книгу без ошибок» («Рисала-и дибага» («Трактат о выделке кож»)) [6, с. 86]. Исходя из этого, Г. Утыз-Имяни призывает самих мусульман совершенствоваться посредством активного приобщения к знаниям, то есть дополнительно заниматься самообразованием. Безграмотность он категорически порицает, но «возвеличивает образованного человека, обладающего всей совокупностью религиозных знаний. У него еще нет четкого деления на религиозное и светское знание» [3, с. 64]. В частности, Г. Утыз-Имяни останавливается на критике татарского народа, указывая, что «наш народ невежественен» в связи с отсутствием любви к чтению («Рисала-и иршадиййа» («Наставительный трактат»)) [6, с. 170]. Далее, он задается общим вопросом: «Когда же этот народ начнет тратить свои деньги не на алкоголь и сигареты, а на книги, газеты и журналы?» («Рисала-и иршадиййа» («Наставительный трактат»)) [6, с. 171]. В безграмотности, особенно правовой, он видит отступление от пути ислама и

последующую гибель народа. В то время как мусульманин, знающий основы фикха, не может сойти с пути ислама, и наоборот, – идущий по пути ислама не нарушит основы фикха. Однако для понимания фикха у мусульманина должно наличествовать развитое правосознание. Повышение уровня правовой грамотности способствует росту правосознания, которое, в свою очередь, стало бы специфичным барьером, сдерживающим национальный и религиозный гнет со стороны царской администрации. Также повышение уровня грамотности укрепило бы позиции мусульманской общины в сфере публичной власти, открыв к ней дорогу для наиболее авторитетных представителей мусульман (что и произошло в начале XX века). Данный вывод следует рассмотреть более подробно.

Как было указано выше, Г. Утыз-Имяни был приверженцем идей суфийского тариката накшбандийа. Более подробно об этом пишет Р.К. Адыгамов: «Г. Утыз-Имяни в своих воззрениях был традиционалистом ханафитско-матуридитского толка, последователем накшбандийского тариката» [6, с. 78]. Этот факт весьма важен при исследовании правовых воззрений Г. Утыз-Имяни. Примечательно, что представителем суфийского тариката накшбандийа также являлся и Шигабутдин Марджани. Именно Шигабутдин Марджани завершил тот этап развития мусульманского реформаторства в России, начало которому на научно-теоретическом уровне дал Г. Утыз-Имяни. В этом ключе А.Н. Юзеев пишет: «Марджани становится видным идеологом религиозного реформаторства, продолжившим и углубившим в новых исторических условиях традиции своих предшественников А. Утыз-Имяни и А. Курсави» [11, с. 121]. Суфийское братство накшбандийа является единственным братством, «которое считало не только допустимым (как, например, сухравардийа), но и обязательным вступать в контакт с властями, чтобы, «завоевав их души», влиять на их политику в отношении народных масс. Отсюда та степень политической активности, которая всегда отличала накшбандийа» [9, с. 187]. В свою очередь активность политической деятельности неизбежно вызывает необходимость власти совершенствовать механизм правового регулирования, делая его более эффективным, укреплять режим законности и правопорядка, приближаясь к идеалу справедливости, а также проводить мероприятия по систематизации правовых норм, в результате которой утрачивается необходимость дифференциации их по сословному, национальному, религиозному признакам. Все это в совокупности является важной предпосылкой для повышения уровня правовой культуры всего населения страны, а, соответственно, к благополучию и процветанию ее народов. Являясь современником своей эпохи и лицедрев беззаконие, творящееся в глубинках имперской государственности (произвол чиновников царской администрации, неприкрытый властью национальный и религиозный гнет,

дополнительные поборы с нерусского населения), Г. Утыз-Имяни призывал мусульман к изучению правовых основ шариата и юридической литературы, прекрасно осознавая, что это вызовет последующую политическую активность мусульман, целью которой станет защита своих прав. Правовая грамотность неминуемо укрепила бы социальное положение мусульманской общины на местном и региональном уровнях, позволяя более эффективно отстаивать автономию самоуправления и права мусульманской уммы.

В правовых воззрениях Г. Утыз-Имяни прослеживаются достаточно консервативные взгляды на религиозную сферу жизни мусульманской общины, однако его правовые идеалы весьма прогрессивны. «Именно в строгом соблюдении норм религии богослов видел путь спасения этноконфессиональной самобытности татар» [6, с. 25], то есть «ограждаясь от всего, придерживаясь буквы религиозных канонов, Г. Утыз-Имяни пытался вернуть татарское общество в лоно традиционных религиозных ценностей» [6, с. 54], через которое оно возродилось бы как великая нация. Также, справедливо заключает Р.К. Адыгамов, что Г. Утыз-Имяни «был противником вмешательства Российского государства в дела общины мусульман Поволжья» [6, с. 11]. Однако данное заключение следует уточнить. Правовая позиция Г. Утыз-Имяни заключалась в естественной необходимости закрепления, обеспечения и соблюдения, со стороны имперской государственности, прав и свобод самоуправления за мусульманской общиной. Сама принадлежность Г. Утыз-Имяни к суфийскому тарикату накшбандийа подтверждает факт того, что он отстаивал идеи этого тариката, а именно: активное участие мусульманских ученых в жизнедеятельности уммы (правовое воспитание и правовое просвещение) и обязанности вступления наиболее авторитетных мусульман в контакт с официальными властями, в целях защиты прав мусульманской общины. Это находит подтверждение, когда Г. Утыз-Имяни в труде «ас-Сайф ас-сарим» («Острый меч») затрагивает один из способов защиты нарушенных прав, отмечая следующее: «В случае несправедливости судьи гражданин имеет право обратиться в вышестоящую инстанцию, с целью добиться своих прав» [6, с. 234]. Справедливо заключение, что Г. Утыз-Имяни «создал собственную концепцию понимания религии: толковал мусульманское право, выделяя морально-этические нормы тариката накшбандийа, последователи которого должны были трудиться, принимать активное участие в жизни общества» [12, с. 119].

Государство у Г. Утыз-Имяни не могло строиться никак иначе, кроме как в рамках шариата. Для него идеальный образ мусульманского государства – это эпоха Праведного халифата в 632–661 годов при правлении Абу Бакра, Умара, Усмана, Али. В то же время Г. Утыз-Имяни прекрасно понимал весьма туманные перспективы возрожде-

ния суверенной татарской государственности при настоящем уровне правовой культуры народа, особенно эти мысли укрепились в период эмиграции Г. Утыз-Имяни в Бухару после поражения восстания под предводительством Е.И. Пугачева [6, с. 10]. При покорении Казанского ханства в XVI в. была потеряна татарская государственность, «уничтожено большое число материальных и культурных ценностей. В истории татарского народа начался период застоя общественной мысли, который продолжался вплоть до середины XVIII в.» [6, с. 16]. С учетом свершившихся событий и социального положения мусульманского общества Г. Утыз-Имяни ставил для достижения вполне реальную цель – повысить уровень образованности и правосознания мусульман Волго-Уральского региона. Следует отметить важный факт – в трудах Г. Утыз-Имяни огромный пласт юридической мысли скрывается под слоем философско-богословских размышлений. Хотя Утыз Имяни и отрицал философию как науку, но его труды насквозь пропитаны философско-правовыми концепциями. Его правовые воззрения охватывали различные аспекты публичного и частного права. Так, в специфичной для того времени богословской форме Г. Утыз-Имяни огромное внимание уделил важному институту гражданского права – обеспечению (защите) прав потребителя-мусульманина «Рисала-и дигаба» («Трактат о выделке кож») [6, с. 79]. В сфере публичного права он рассматривал проблемы образовательного права (правовое воспитание и правовое просвещение), также затронул некоторые элементы уголовного права (пределы необходимой обороны) («Инказ ал-халикин» («Спасение погибающих»)) [6, с. 152].

Неверно причислять Г. Утыз-Имяни к сторонникам консерватизма в том понимании, которое сложилось в идеологическое течение XX века. Р.К. Адыгамов указывает, что Г. Утыз-Имяни можно назвать традиционалистом [6, с. 36]. Однако традиционалистом он стал в понимании современной науки, но для конца XVIII века Г. Утыз-Имяни был родоначальником концепции исламского консервативного реформизма. Это также отмечает и сам Р.К. Адыгамов, указывая следующее: «Он был одним из первых татарских богословов, которые после периода духовного и культурного упадка XVI–XVIII вв. начали искать пути выхода из интеллектуального кризиса с одновременным сохранением мусульманской самобытности. Его труды явились толчком к формированию нового, возрожденческого, направления общественной мысли татар» [6, с. 36]. Более того, его правовые взгляды достаточно сложно назвать крайне консервативными. Воззрения Г. Утыз-Имяни на мусульманскую правовую систему можно обозначить, с учетом времени, как либеральные. Призывая к очищению фикха от всех наслоений и недопустимых новшеств (бид'а), он, по сути, призывал к реформе мусульманской правовой системы путем восстановления в

ней фундаментальных правовых принципов – справедливости, законности, гуманности. Таким образом, в споре современных ученых о том, был ли Г. Утыз-Имяни сторонником реформаторства или консерватизма следует отметить, что ответ на этот вопрос зависит от восприятия самой идеологии консерватизма на конкретный период времени.

Большинство исследователей татарского консервативного движения концентрируют внимание на становлении и развитии кадимизма (от араб. кадим – «старый») как охранительного движения, возникнувшего в качестве реакции на реформаторство в области религии, образования, культуры и быта мусульман России в конце XIX – начале XX века. При этом необходимо подчеркнуть, что кадимизм представлял собой ответвление от общей идеологии консерватизма, то есть ее правого крыла, выраженного в наиболее традиционных устоях. Несомненно, что «стержнем всех консервативных концепций являлась религиозная константа, обусловленная идеократическим взглядом на мир, сакрализацией церковной власти и основных явлений государственной жизни» [13, с. 64]. В XX веке кадимизм стал столпом татарской консервативной мысли. Таким образом, к началу XX века представителями правого течения в мусульманской общности концепция исламского консервативного реформизма, изложенная Г. Утыз-Имяни, была окончательно заменена на кадимизм. Это событие было вполне закономерно, так как концепция исламского консервативного реформизма потеряла актуальность уже при Шигабутдине Марджани, она исчерпала все пределы своего развития. Татарскую интеллигенцию конца XIX века уже не устраивала «медлительность» идеологии исламского консервативного реформизма, так как для ускорения процесса вхождения татарской нации в правовое пространство имперской государственности, необходимы были более динамичные идеи, чем и стало реформаторство, выраженное в джадидизме. В мусульманском правоведении начала XX века, так же, как и в русском, консерватизм мог выживать только в рамках идеологии охранительства. Аналогом же идеологии охранительства в консервативной мусульманской правовой мысли стал кадимизм. Именно поэтому правая часть мусульманского общества, опираясь на консервативные идеи, не могла идти никаким другим путем, а только дорогой традиционных религиозных ценностей, выстроенной кадимистами.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что правовые воззрения Г. Утыз-Имяни в полной мере следуют концепции исламского консервативного реформизма. Предлагая очистить шариат от наслоений, сделанных за прошлые столетия, тем самым, он подчеркивал наличие весьма богатых юридических конструкций в мусульманской правовой системе, которые, к сожалению, были забыты. Эти юридические конструкции были не просто совершенны для периода «Золотого века ислама» и

рассвета мусульманского правотворчества, но, исходя из воззрений Г. Утыз-Имяни, они не потеряли актуальности и для конца XVIII – начала XIX века. Свою точку зрения Г. Утыз-Имяни доказывал изучением различных институтов и направлений в юриспруденции (например, институт обеспечения (защиты) прав потребителей, правовое воспитание и правовое просвещение). Р.К. Адыгамов указывает, что Г. Утыз-Имяни «был уверен, что ислам является единственным и истинным источником возрождения татарского общества при условии его правильного восприятия и очищения от вековых наслоений и новшеств, достойных порицания» [6, с. 8]. При этом не следует забывать, что творче-

ство Г. Утыз-Имяни приходится на конец XVIII – начало XIX века, то есть эпоху пика застоя мусульманской, и, в частности, татарской, общественной, политической и правовой мысли. Поэтому призывы Г. Утыз-Имяни, звучавшие во всех его трудах, возвратиться к основам ислама, обусловлены ничем иным, как необходимостью возрождения в сознании мусульман любви к знаниям, повышению уровня образования, стремлению к просвещению, развитию правосознания и правовой культуры в целом, то есть ко всему тому, что было характерно для «Золотого века ислама».

Литература

1. *Худайгулов Т.С.* Башкирское восстание 1755–1756 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2008. 27 с.
2. *Валиуллин И.Р.* Батырша // Татарская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Инст. татар. энцикл. АН РТ, 2002. Т. 1: А-В. 672 с.
3. *Юзеев А.Н.* Философская мысль татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 214 с.
4. *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 246 с.
5. *Магомедов К.А.* Взгляды арабо-мусульманских мыслителей на исламскую государственность // Юридический вестник ДГУ. Т. 27. 2018. № 3. С. 34–40.
6. *Утыз-Имяни Габдрахим.* Избранное / сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 320 с.
7. *Санаи Мехди.* Мусульманское право и политика: учебное пособие. М.: ООО «Садра», 2014. 96 с.
8. *Чурочкина О.С.* Эволюция развития института защиты прав потребителей в России (исторический и нормативно-правовой аспекты) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 22–26.
9. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1991. 315 с.
10. *Абызова Р.Р.* Научно-просветительская и педагогическая деятельность Габдерахима Утыз-Имяни (к 260-летию со дня рождения поэта) // Вестник КемГУ. 2015. №1-2 (61). С. 99–101.
11. *Юзеев А.Н.* Просветительская мысль татарского народа (XIX – нач. XX вв.): монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 415 с.
12. *Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.
13. *Корнев А.В.* Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа: монография. М.: Проспект, 2014. 320 с.
14. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Кол. авт.; сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2009. 404 с.

References

1. *Khudaigulov T.S.* Bashkirskoe vosstanie 1755–1756 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk. Ufa: Bashkir. gos. un-t, 2008. 27 s.
2. *Valiullin I.R.* Batyrsha // Tatarskaya entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. M.Kh. Khasanov, otv. red. G.S. Sabirzyanov. Kazan': Inst. tatar. entsikl. AN RT, 2002. T. 1: A-V. 672 s.
3. *Yuzeev A.N.* Filosofskaya mysl' tatarskogo naroda. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2007. 214 s.
4. *Mukhametshin R.* Islam v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v XX veke. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2005. 246 s.
5. *Magomedov K.A.* Vzglyady arabo-musul'manskikh myslitelei na islamskuyu gosudarstvennost' // Yuridicheskii vestnik DGU. T. 27. 2018. № 3. S. 34–40.
6. *Utyz-Imyani Gabdrakhim.* Izbrannoe / sost. i per. s arab. R. Adygamova. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2007. 320 s.
7. *Sanai Mekhdi.* Musul'manskoe pravo i politika: uchebnoe posobie. M.: ООО «Sadra», 2014. 96 s.
8. *Churochkina O.S.* Evolyutsiya razvitiya instituta zashchity prav potrebitelei v Rossii (istoricheskii i normativno-pravovoi aspekty) // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2013. № 4. S. 22–26.
9. Ислам: entsiklopedicheskii slovar'. M.: Nauka, Glav. red. vost. lit-ry, 1991. 315 s.

10. *Abyzova R.R.* Nauchno-prosvetitel'skaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' Gabderakhima Utyz Imyani (k 260-letiyu so dnya rozhdeniya poeta) // Vestnik KemGU. 2015. №1-2 (61). S. 99–101.
11. *Yuzeev A.N.* Prosvetitel'skaya mysl' tatarskogo naroda (XIX – nach. XX vv.): monografiya. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2014. 415 s.
12. *Ibragim T.K., Sultanov F.M., Yuzeev A.N.* Tatarskaya religiozno-filosofskaya mysl' v obshchemusul'manskom kontekste. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2002. 239 s.
13. *Kornev A.V.* Gosudarstvo i pravo v kontekste konservativnoi i liberal'noi ideologii: opyt retrospektivnogo analiza: monografiya. M.: Prospekt, 2014. 320 s.
14. Islam na Urale: entsiklopedicheskii slovar' / Kol. avt.; sost. i otv. red. D.Z. Khairtdinov. M.: Izdatel'skii dom «Medina», 2009. 404 s.

Поступила в редакцию 5 декабря 2018 г.
Received 5 December, 2018